

УДК821.161.3-311.6:821.111

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ БЕЛАРУСИ И БРИТАНИИ****канд. филол. наук, доц. О.А. ЛИДЕНКОВА****(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8644-6406>**

Статья посвящена выявлению характерных, универсальных черт поэтики современного исторического романа в творчестве белорусских и британских авторов. Рассматриваются различные направления развития жанра (неоисторический, постмодернистский, классический), выделяются предпосылки все большего распространения в произведениях различных писателей элементов неоромантической эстетики, которая выражается в типажах персонажей, системе мотивов, композиции и общей проблематике произведений. Отдельное внимание уделяется мотивам «любовь», «страх», «вера», которые в своих разных проявлениях становятся средством исправления несовершенства мира, основой самопознания и новой аксиологической системы для героя. На примере творчества Х. Ментел, Дж. Мика, А. Миллера, А. Байетт, Л. Рублевской, А. Федоренко, О. Ипатовой, В. Ковтун и др. рассматриваются такие проявления меняющейся художественной парадигмы жанра, как противопоставление естественности (природы) и цивилизации (урбанистического пространства), ограниченности интеллекта против мистической силы творческого прозрения в постижении невидимых взаимосвязей исторических событий, оппозиции предвзятости, неполноты архивов и глубины эмоционально прочувствованного личного опыта.

Ключевые слова: историческая проза, современная литература, культурная парадигма, романтизм, поэтика жанра.

Введение. Конец XX – начало XXI вв. – это период, когда исторический роман не только переживает возрождение, но достаточно быстро проходит несколько этапов жанровой эволюции. В результате, буквально в течение нескольких десятилетий, начиная с 80-х гг. XX в., возникают и параллельно начинают развиваться сразу несколько новых модификаций исторической прозы, заметно отличающихся поэтикой и преобладающим типом художественной парадигмы. Появляется экспериментальный постмодернистский исторический роман, нео-исторический роман, имеющий целый ряд разновидностей (нео-викторианский, нео-тюдоровский и др.). На новый этап развития выходит и классическая форма жанра, которая в произведениях Х. Ментел, Д. Митчелла сумела совместить новые литературные техники, глубокую психологичность и интроспективность со сравнительно традиционной композицией и детально проработанным изображением фактологической стороны событий конкретной эпохи.

Характерной и все более заметной чертой художественной парадигмы современных образцов жанра стало усиление проявлений романтической (неоромантической) эстетики. Конечно же, речь идет не об историческом романтизме, а о специфическом типе мышления и восприятия мира, описанном в работах М. Абрамса, М. Жирмунского, Н. Я. Дьяконовой, которые говорят о «вневременном и внепространственном романтизме», «периодическом возрождении романтического типа мышления в кризисные, апокалиптические эпохи», то есть о романтизме как особой «форме чувствования» и переживания мира. Такая интерпретация понятия обосновывает право использовать термин «романтизм» для обозначения целого ряда историко-культурных периодов, отмеченных определенным набором ярко выраженных узнаваемых тенденций [1; 2, с. XIII; 3, с. 6; 4, с. 477].

Актуальность данной статьи заключается в малой степени исследованности изменений, происходящих в поэтике жанра в течение последних десятилетий. Большинство имеющихся работ сосредотачиваются на стилистических особенностях постмодернистской формы жанра (исследования Л. Хатчеон, Д. Уоллес, П. Андерсона, А. Нюннинга и др.), либо на социологическом аспекте восприятия художественных текстов (работы Дж. де Гру).

Целью исследования является определение конкретных проявлений неоромантической эстетики в творчестве современных белорусских и англоязычных писателей.

Основная часть. Учитывая то, что даже в современном общественном дискурсе и медиа наблюдается оксюмороническое сочетание гиперрационализма, сциентизма и превосходства переживания (*lived experience*) над объективными фактами, вполне закономерно, что тема чувства, переживания / проживания опыта прошлого, превосходства эмоционального творческого познания исторической реальности над академическим, интеллектуальным становится одной из наиболее заметных в современной литературе. Например, если на протяжении практически всего XX в. сюжеты о любовных интригах королевского двора были уделом жанровых романов для домохозяек, то уже начиная с 90-х годов XX в. судьба произведений А. Байетт или Х. Ментелл доказала, что роль человеческих эмоций как определяющего фактора истории вполне может быть предметом серьезной литературы. Белорусских авторов не перестает привлекать трагичные для судьбы всего государства чувственные порывы великих князей («Апошняя каханне князя Міндоўга» К. Тарасова 2000, «Каралева не здраджвала каралю» А. Бутевича 2010, «Праклён Міндоўга» М. Кутузова 2019 г. и др.). Именно чувства – страх или любовная страсть – лежат в основе коллизий романов Л. Дайнеко, Дж. Мика, Дж. Крейса. Трусость и рессентимент составляют основу конфликта произведений Л. Рублевской, А. Федоренко о репрессиях 30-х гг. XX века. Суеверие и тщеславие движут

персонажами А. Миллера («Pure»). Стяжательство и жажда власти как основа человеческой природы и, следовательно, первооснова всех общественных процессов дали название историческому циклу Б. Ансуорта «Sacred Hunger». Х. Ментел сопоставляет политические последствия рассудочно-прагматичного и эмоционально-импульсивного стилей управления на примере фигур Томаса Кромвеля и Генриха VIII, и демонстрирует, насколько трудно гармонично сочетать одно и другое: «Where is the boundary between truth and lies? <...> How does the conflict between a modern trust in reason, on the one hand, and primitive ignorance and irrationality, on the other, play out in the lives of individuals and of nations?» [5].

Характерным для белорусской исторической прозы последних десятилетий становится конфликт прагматизма и идеализма: «Русалкі клічуць» К. Каминской (премия «Дэбют» 2018), «Харунжы» Ю. Петренко (2020), «Літоўскі воўк» А. Наварича. Противопоставление разума, здравого смысла и врожденной человеческой иррациональности, хаоса и порядка, видны в «Viper wine» Г. Эйр (номинация на премию В. Скотта, 2015), в котором смерть героини становится прямым следствием ее необоснованного страха, справиться с которым бессилён ее муж, выдающийся ученый и просветитель. В «Harvest» Дж. Крейса (номинации на Букеровскую премию 2013 г., премию В. Скотта, 2014 г., победитель International Dublin Literary Award-2015) и «The Western Wind» С. Харви (номинация на премию В. Скотта, 2019) развивается тема разрушительной природы почти первобытного суеверного страха в замкнутой деревенской общине. Именно это чувство делает людей беспомощными перед циничным и рациональным манипулированием, но и оно же собирает свой «урожай» жертв (одно из значений заглавия романа Крейса). В «Pure» А. Миллера знание, рассудок (в образе героя-инженера) торжествует над суеверными страхами простых горожан, но победа эта поверхностна и не затрагивает мировоззрение людей, пропитавшихся духом вековых предрассудков, еле сдерживаемых страстей, скрытого безумия (явного в сцене немотивированного покушения на героя). Хрупкое равновесие и счастье достигнуто только на персональном уровне, и эта идея о возможности гармонизации мира, примирения противоположностей лишь через частный союз любви (символическую свадьбу) является, пожалуй, универсальной для современной исторической прозы. Такой не свойственный современной литературе счастливый финал – результат того, что авторы не столько противопоставляют рассудочное и чувствующее начала человеческой природы, сколько стремятся привести их к некоему синтезу и равновесию.

Стремление найти объяснение историческим событиям как «деяниям любви» прослеживается в «The People's Act of Love» Дж. Мика (лонглист Букеровской премии 2005, книга года Шотландского совета по культуре 2006). Кажется, что автор с поистине шекспировским размахом стремится создать всесторонний цельный и многогранный образ одного из центральных человеческих понятий: любви как основы поведения персонажей. В этом романе о революции и гражданской войне в России в 1919 г. писатель сосредотачивается не на политических хитросплетениях и противоборстве различных сторон и классовых борьбе, но на моделировании мотивации участников событий с помощью совершенно невероятного, даже фантазмагоричного набора персонажей, среди которых разномастные революционеры и заблудившиеся чешские солдаты, запертые в тесном пространстве затерянного в Сибири городка. Героями движет то привычная чувственная страсть и банальная влюбленность, то психическая патология, религиозный экстаз «ангелоподобных» скопцов, то революционная расчеловеченная забота о всем мире, в которой нет жалости к отдельной жизни: 'The nature of the true revolutionary has no place for any romanticism, any sentimentality, rapture or enthusiasm <...> he is not a revolutionary if he feels pity for anything in this world' [6]. И все это на фоне вполне реального, но и метафорического в данном контексте каннибализма в стремлении уничтожить, пожрать все, что не является раем: «I'm here on earth to destroy everything which doesn't resemble Paradise» [6]. В данном примере любовь – чувство-индикатор, которое проявляет суть человека. В своем более позднем романе «To Calais, in Ordinary Time» (2019) Дж. Мик не только исследует динамику социальных отношений через фразеологию любви на английском и французском языках, но и сюжет строит частично под влиянием средневековой французской поэмы о куртуазной любви «Le Roman de la Rose».

Фактически такую же роль играет любовь в произведениях одного из наиболее известных белорусских авторов Л. Рублевской, в романах которой это чувство либо проявляет худшие стороны личности персонажей, либо становится сверхъестественной созидательной, исцеляющей силой, которая вполне в духе готической стилистики, к которой тяготеет творчество писательницы, помогает достичь внутренней целостности, верности себе, а, значит, освобождает героев от родовых проклятий и преступлений прошлого.

Традиционно большую роль диалектика любви – чувственной, божественной, человеческой, книжной – играет в произведениях О. Ипатовой. В некотором роде ее повесть «Прадыслава» (2003) отражает то же противостояние интеллектуальной и эмоциональной сторон человека, что и роман Байетт «Possession», лишь выражается это не в противостоянии чувственной мифологии романтизма и холодного интеллектуализма постмодерна, а в более привычной для белорусской литературной традиции оппозиции языческого и христианского подхода к восприятию мира: цельного и органичного, либо отстраненно-мысленного, философского. Это противостояние так или иначе проходит и через ее трилогию «Альгердава дзіда» (2002), причем, как и А. Байетт, писательница делает выбор в сторону любви эмоциональной, земной и человеческой, в отличие от В. Ковтун, которая практически в это же время пишет близкий по тематике роман-житие «Пакліканья», в которой любовь имеет скорее жертвенное, мистическо-богословское понимание (как и в другом ее романе «Крыж міласэрнасці»).

Логичным продолжением признания роли необъяснимой, нерациональной стороны человеческих поступков в истории становится тема внутренней эволюции персонажей, а также достаточно предсказуемый мотив

страха увидеть себя настоящего, то есть проблема самопознания. Герои стремятся обрести лучшую версию себя, глубоко неудовлетворенные тем, кем они являются. Тема превращений и перерождений героев постоянно присутствует в творчестве Л. Рублевской, Л. Дайнеко, достаточно вспомнить спасительный «Дом Пераўтварэнняў» из романа «Чалавек з брыльянтавым сэрцам» и постоянную тему химических (алхимических) преобразований в творчестве Л. Рублевской (герой-химик, кабинет химии нередко встречаются и в белорусских исторических детективах 1990-х гг.). Эпиграф из посланий аспостолов «Ня ўсе мы памром, але ўсе мы зьменімся» из повести «Ліст у Галактыку 'Млечны шлях'» Ю. Станкевича можно отнести практически ко всему творчеству А. Аркуша, персонажи которого постоянно размышляют о преобразованиях духа как внешних, так и внутренних, и заключают, что именно в них – ключ к преображению всего мира: «Але магчыма зрабіць змены ў вашай сьвядомасці. Выйсьці на патрэбнае скрыжаваньне і зрабіць слушны выбар» [7, с. 76].

Оптимизм, надежда на возрождение и перерождение – заметная черта современной исторической прозы. Уже само стремление героя к обретению смысла существования становится вызовом существующему порядку, и отсюда высокая пропорция (часто романтических, невероятных) счастливых финалов в современной исторической прозе. Восклицием «Хрыстос уваскрос, брат!», праздником Пасхи и семейным примирением завершается рассказ Мажиловского «Жоўты туман» о преодолении неверия и жажды жизни [8]. В повести В. Орлова «Танцы над горадам», «Да святых на франтоне вярнуліся рукі, а за касцельнай брамай з'явілася масяжовая Дзева Марыя», в церковь перестраивают безликие советские постройки в романах А. Аркуша [9, с. 30].

Радость просто жить хотя бы и на фоне довольно мрачных исторических событий ощущают герои В. Гниломедова: «Ён адчуў у сабе раптам нейкую невераежную радасць ад магчымасці бачыць прыгажосць гэтага свету, дыхаць паветрам, жыць!» [10, с. 377]. «Нічога не баяцца, нічога не аналізаваць, не шкадаваць ні аб чым – проста жыць як усе, і гары ўсё агнём!» «Не проста існаваць – а жыць» хотят герои А. Федоренко [11, с. 108]. «А значыць, будзе жыць, проста – будзе», обещает себе и читателям персонаж А. Наварича [12].

Вопреки всем законам постмодернистской литературы обретают счастье или хотя бы внутренний покой герои А. Байетт, П. Акройда, и даже все участники русской гражданской войны из романа Дж. Мика, заставляя критиков и рецензентов отмечать невероятную, сказочную гладкость и завершенность финала: «Mother and child achieve a kind of happy ending against the odds; the Czechs get to go home. On to the vast amorphousness of northern Russia is superimposed a narrative of such tidiness that every apparent loose end turns out, by the final pages, to have been part of the plait all along» [6]. И совершенно невозможную для белорусской литературы оптимистичную картину рисует Л. Силич в романе «Воўч»: «здолелі правядыры скарыстаць гэтую нянавісць, згаварыцца, патаемна выкаваць у людзях надзею, на лясістых грудях сярод дрыгвы падрыхтаваць рашучых ваяроў, <...> І не знайшлося аніводнага здрадцы» [13, с. 6].

Заключение. Таким образом, в последние десятилетия все большее внимание в художественной репрезентации прошлого уделяется роли эмоциональной, иррациональной стороны личности в историческом процессе. Подобно тому как на смену классическому реализму фактов и событий в подобных произведениях пришел т.н. «аллегорический реализм» (термин Х. Дэлли), который сосредотачивается на правдоподобии психологических мотивов и реакций, широко пользуется приемами готической и фантастической литературы, так и литературный процесс осмысления национальной истории отходит от безусловного постулирования приоритета разума, логики и прагматизма при интерпретации мотивов тех или иных событий прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарева, Г.А. Романтизм і романтичны тып свядомасці [Электронны рэсурс] / Г. А. Токарева. – Режим доступу: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/tokareva-romantizm-i-romanticheskij.htm>. – Дата доступу: 01.08.2021.
2. Abrams, M. H. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition / M. H. Abrams. – New York : Oxford University Press, 1953. – 406 p.
3. Дьяконова, Н.Я. Английский романтизм / Н.Я. Дьяконова. – М. : Наука, 1978. – 207 с.
4. Блок, А.А. О романтизме / А.А. Блок // Сб. соч. В 6 т. – М. : Правда, 1971. – Т. 5. – С. 473–483.
5. Mendelsohn, D. Hubris and delusion at the end of Hilary Mantel's Tudor Trilogy [Электронный ресурс] / D. Mendelsohn, L. MacFarquhar, J. Wood // The New Yorker. – Mode of access: <https://www.newyorker.com/magazine/2020/03/16/hubris-and-delusion-at-the-end-of-hilary-mantels-tudor-trilogy>. – Date of access: 01.08.2021.
6. Stevenson, J. Observer review: The People's act of love by James Meek [Электронный ресурс] / J. Stevenson // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/books/2005/jul/03/fiction.features3>. – Date of access: 01.08.2021.
7. Аркуш, А. Захоп Беларусі марсянямі. Раман / А. Аркуш. – «Полацкае лядо», 2016. – 263 с.
8. Мажылоўскі, У. Жоўты туман [Электронны рэсурс] / У. Мажылоўскі. – Рэжым доступу: https://royallib.com/book/magilosk_uladzmr/goti_tuman.html. – Дата доступу: 01.08.2021.
9. Арлоў, У. Танцы над горадам: тры апавесці / У. Арлоў. – Vilnius [Вільнюс] : Логвінаў, 2017. – 193 с.
10. Гніламёдаў, У. Вяртанне: раман / У. Гніламёдаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2008. – 427 с.
11. Федарэнка, А. Вёска: апавесці, апавяданні / А. Федарэнка. – Мінск : Беларусь, 2013. – 349 с.
12. Наварыч, А. Памалюся Перуну, пакланюся Вялесу... [Электронны рэсурс] / А. Наварыч // RuLit. – Рэжым доступу: <https://www.rulit.me/books/pamalyusya-perunu-paklanyusya-vyalesu-read-301034-1.html>. – Дата доступу: 01.08.2021.
13. Сіліч, Л. Воўч. Скрозь смугу няёмальнага часу : гісторыка-прыгодніцкі раман / Л. Сіліч. – Мінск : ІП А.М. Янушкевіч, 2017. – 484 с.

REFERENCES

1. Tokareva, G.A. (n.d.). *Romantizm i romanticheskij tip soznaniya*. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/tokareva-romantizm-i-romanticheskij.htm>. (In Russ.).
2. Abrams, M. H. (1953). *The mirror and the lamp: Romantic theory and the critical tradition*. Oxford University Press.
3. D'âkonova, Nina. (1978). *Anglijskij romantizm: Problemy èstetiki*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Blok, A.A. (1971). O romantizme . In *Sobranie sochinenii*. Moscow: Pravda. (In 6 Vol., Vol. 5, 473–483). (In Russ.).
5. Mendelsohn, D., MacFarquhar, L., & Wood, J. (2020, March 4). *Hubris and delusion at the end of Hilary Mantel's Tudor Trilogy*. The New Yorker. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2020/03/16/hubris-and-delusion-at-the-end-of-hilary-mantels-tudor-trilogy>.
6. Stevenson, J. (2005, July 3). *Observer review: The People's act of love by James Meek*. Guardian News and Media. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/jul/03/fiction.features3>.
7. Arkush, A. (2016). *Zakhop Belarusi marsiyanami*. Polatskæ lyada. (In Belaruss.).
8. Mazhyloŭski, U. (n.d.). *Zhoŭty tuman*. URL: https://royallib.com/book/magilosk_uladzmr/goti_tuman.html. (In Belaruss.).
9. Arlou, U. (2017). *Tantsy nad goradam: try apovesti*. Vilnius: Logvinaŭ. (In Belaruss.).
10. Gnilamedaŭ, U. (2008). *Vyartanne: raman*. Minsk: Mastatskaya litaratura. (In Belaruss.).
11. Fedarenka, A. (2013). *Veska: apovesti, apavyadanni*. Minsk: Belarus'. (In Belaruss.).
12. Navarych, A. (n.d.). *Pamalyusya Perunu, paklanyusya Vyalesu*. RuLit. URL: <https://www.rulit.me/books/pamalyusya-perunu-paklanyusya-vyalesu-read-301034-1.html>. (In Belaruss.).
13. Silich, L. (2017). *Voŭch. Skroz' smugu nyajmol'naga chasu : gistoryka-prygodnitski raman*. Minsk : IP A.M. Yanushkevich. (In Belaruss.).

Поступила 22.01.2022

THE CHANGING CREATIVE PARADIGM IN CONTEMPORARY HISTORICAL FICTION OF BRITAIN AND BELARUS

V. LIDZIANKOVA

The article is devoted to identifying the characteristic, universal features and tendencies in the poetics of the historical novel based on the works of contemporary Belarusian and British authors. The works by H. Mantel, J. Meek, A. Miller, A. Byatt, L. Rublevskaya, A. Fedorenko, O. Ipatova, V. Kovtun and others are used to demonstrate the changing cultural paradigm in the portrayal of the past. Various directions of the genre's development (neo-historical, postmodern, classical forms) are considered, the prerequisites for the increasing spread of elements of neo-romantic aesthetics in the works of various authors are highlighted as they manifest in the characterisation, the system of motives, and the type of conflict. It involves close examination of such symptoms of the changing poetics of the genre as the opposition of nature and civilization (urban space), of intellectual study of facts versus emotionally felt personal experience, the juxtaposition of the limited intellect and the mystical power of creative insight in comprehending the invisible interconnections of historical events. Special attention is paid to the themes of "love", "fear", "faith", which in their various manifestations become a means of remedying the imperfection of the world.

Keywords: historical fiction, contemporary literature, creative paradigm, neo-romanticism, genre evolution